

Информационное общество и глобализация: проблемы идентификации

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 10.11.2017.

**НАУМЕНКО Тамара
Васильевна**

*Доктор философских наук,
профессор факультета
глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению одного из аспектов важнейшей социологической и политологической проблемы периодизации и структуризации общества. Анализируется вопрос о критериях выделения информационного общества, о его соотношении с понятием глобального общества. Особое внимание уделяется взглядам Э. Гидденса и Ф. Уэбстера об обществе принципиально нового типа, его существенных характеристиках. Выявлены противоречия в представлениях этих авторов об информационном обществе, проанализированы понятия индивидуации и индивидуальности, введенные Э. Гидденсом, а также его аргументация относительно глобальных процессов.

Ключевые слова:

Э. Гидденс, Ф. Уэбстер, информационное общество, индивидуации, индивидуальности, глобализация, «ускользающий мир», национальные государства.

Интерес к пониманию того, что есть общество, зародился с возникновением общества как такового, формировался одновременно с процессами социогенеза. Сегодня можно говорить о множестве разнообразных представлений об обществе, детерминантах его появления и становления, его миссии в этом мире, о многих других важных для осмысления человеком социальных реалиях.

Одной из актуальных проблем социального пространства является вопрос о периодизации и структуризации общества. Рассмотрим один из самых злободневных аспектов — проблему информационного общества и его соотношение с современными процессами глобализации.

Набрав в самой популярной в мире поисковой системе Google в строке запроса «информационное общество», вы получите 1 200 000 ссылок на самые разные ресурсы, посвященные этой теме. К сожалению, авторы абсолютного большинства работ обсуждают особенности и проблемы непосредственно информационного общества, мало заботясь о том, что под этим понимается. Приходится признать, что лишь очень немногие решаются уделить внимание вопросу, который, возможно, следует признать ключевым в изучении данного феномена — вопросу о самой сути нового типа общества.

Что же такое информационное общество, чем оно отличается от обществ других типов, где грань, отделяющая информационное общество от его предшественников? Наконец, существует ли оно вообще? Может быть, следует просто последовать за некоторыми исследователями, считающими, что общество становится информационным, когда больше половины его населения занято в сфере информационных услуг? Казалось бы, вот и ответ! Надо всего лишь посчитать уровень занятости населения по отраслям, и все встанет на свои места, и можно будет снова гадать о том, к чему же приведет нас информационное общество и как нам в нем жить.

Однако в рамках научного рассмотрения феномена информационного общества мы не имеем права соглашаться на столь слабо аргументированные и поверхностные решения столь сложных проблем, не попытавшись понять их глубинной сущности. Попробуем обратиться к современным технологиям, которые многие исследователи называют ключевой особенностью информационного общества, а некоторые — даже причиной его возникновения, что позволяет причислить их к сторонникам технологического детерминизма.

Одним из мощнейших феноменов интернета в последние годы стала Википедия, глобальная многоязычная энциклопедия, основной особенностью которой является ее открытость. Стоит подчеркнуть, что этот справочно-информационный ресурс никак не может быть признан ни научным авторитетом, ни тем более источником тех или иных бесспорных знаний и определений. Однако игнорировать его никак нельзя, поскольку любой человек, не найдя статьи на заданную тему, имеет возможность сам добавить ее в энциклопедию. Тысячи и тысячи пользователей по всему миру совместно участвуют в создании этой истинно сетевой энциклопедии, вследствие чего она наилучшим образом демонстрирует уровень общих представлений о том или ином феномене.

В самом общем виде Википедия трактует информационное общество как новый вид общества, отличающийся от всех предшествующих центральной ролью информационных технологий в экономике и повседневной жизни. Подчеркивается, что информационное общество принято считать результатом эволюции индустриального общества. Однако далее отмечается, что не существует какой-либо общепринятой концепции информационного общества, что, скорее, можно говорить о множестве разнообразных подходов к его пониманию. Среди близких по значению терминов приводятся постиндустриальное общество (Д. Белл), постфордизм, общество постмодерна, общество знания. Большинство теоретиков, по мнению сетевой энциклопедии, сходятся на том, что с 1970-х годов наблюдается всеобъемлющая трансформация, фундаментально меняющая устройство общества.

В нелегком деле ориентации в многочисленных точках зрения на помощь приходит работа Фрэнка Уэбстера «Теории информационного общества» [1], ставшая блестящим образцом критического анализа и программного произведения. Эта работа помогает понять позицию Энтони Гидденса — одного из основоположников анализа общества кардинально нового типа, который акцентирует внимание как на структуре общества, так и на его сущностных характеристиках [2]. Он же одним из первых обратил внимание на процессы глобализации.

Британский социолог Энтони Гидденс — автор более тридцати книг, переведенных на 35 языков. Лекции, прочитанные им на Би-би-си, помогли вывести дискуссию о глобализации на действительно широкую международную аудиторию. Во многом благодаря этим лекциям о глобализации стали размышлять не только политики и ученые, но и широкая общественность, носители так называемого массового сознания.

Работы Гидденса выходят за рамки собственно социологии. Они затрагивают проблемы истории общественной мысли, социальной теории, классовой стратификации, рассказывают об элитах и власти, нациях, национализме и постмодерне. По мнению Гидденса, мир вследствие глобализации стал менее управляемым, полностью вышел из-под контроля и вообще «ускользает

из рук». На повседневную жизнь глобализация влияет не меньше, чем на события мирового масштаба, в частности речь идет о трансформации таких важнейших институтов, как семья и брак. Понятие риска в эпоху глобальных перемен, влияние глобализации на традиционный образ жизни, роль демократических институтов в обеспечении большей стабильности и управляемости «ускользающего мира» — все эти темы исследований Э. Гидденса обретают в каждой очередной его работе новое звучание. Именно благодаря Гидденсу в научный оборот вошло такое понятие, как «третий путь».

Используя предложенное им самим деление на сторонников трактовки информационного общества как кардинально нового типа общества и тех, кто считает, что оно есть естественное развитие проявившихся ранее тенденций, Ф. Уэбстер, как критик творчества Гидденса, относит его ко второй группе. Справедливо подчеркивая, что Гидденс довольно мало касался в своих работах непосредственно проблем информационного общества, Уэбстер склонен объяснять это скептическим отношением Гидденса к самой идее такого общества. В работе «Социальная теория и современная социология» он утверждает: «Хотя обычно предполагают, что мы только вступаем в новую эпоху информации, на самом деле современное общество было «информационным» с самого своего начала» [3].

Гидденс продолжает интеллектуальную традицию столпов социологии — Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера. Подобно им, Гидденс ищет объяснение тем кардинальным изменениям, произошедшим в середине XVII века, которые принято считать переходом к Новому времени. Ведь и социология первоначально возникла как попытка осмыслить, уложить в определенную схему процесс перехода от традиционного общества к чему-то совершенно новому.

По Марксу, суть Нового времени заключается в возникновении капиталистических отношений, Дюркгейм рассматривал в качестве причины перехода индустриализацию, а Вебер — рационализм. Обобщив эти три исследовательские парадигмы, Гидденс утверждает, что все они не то чтобы неверны, но слишком упрощают картину смены типа общества. Помимо отмеченных классиками предпосылок, он выделяет два дополнительных фактора: с одной стороны, это контроль и насилие в обществе, с другой — войны и национальное государство. Уэбстер со своей стороны считает, что заслугой Гидденса является использование идей Фуко и Спенсера в связке с подходом классиков социологии. Именно в попытке понять роль дополнительных факторов в эволюции общества, Гидденс выработал свой взгляд на понятие информации, которое лежит в основе понимания информационного общества.

Однако подход Уэбстера тоже не свободен от некоторых противоречий. Они касаются изложения идей Гидденса, которое Уэбстер предлагает в своем исследовании «Теории информационного общества», с одной стороны, и положениями работы Гидденса «Ускользающий мир». Так, Уэбстер предлагает читателю принять в качестве исходного утверждения Гидденса тезис о том, что «мир, в котором мы живем, в гораздо большей степени организован, чем тот, на смену которого он пришел» [1, с. 277, 278]. Он подчеркивает, что такая организованность возникает в процессе становления гражданских прав и свобод человека. Жизнь становится все более упорядоченной, якобы утверждает Гидденс,

что приводит к ряду парадоксов. Уэбстер, в частности, подчеркивает важность аналитического разделения двух терминов — «индивидуация» и «индивидуальность». Индивидуация, по Уэбстеру, заключается в том, что в поле зрения общества находится каждый отдельный человек, он известен, на него заведена отдельная запись, в которой значатся его имя, дата рождения, адрес, послужной список, полученные им оценки и личные предпочтения. Под индивидуальностью он понимает нечто иное — способность распоряжаться собственной судьбой, вести себя независимо, контролировать течение собственной жизни. Зачастую эти понятия не разделяют должным образом и даже начинают говорить об усилении индивидуации как угрозе индивидуальности. По мнению Гидденса и Уэбстера, это не совсем верно, так как именно индивидуация способствует раскрытию и актуализации индивидуальности. «Индивидуация — это та основа, которая позволяет организациям, предоставляющим населению высокотехнологичные услуги, сделать эти услуги персонифицированными».

Однако, читая Гидденса, сложно найти основание для подобных интерпретаций [1, с. 282]. Он, например, ссылается на Джорджа Оруэлла, который в своей знаменитой антиутопии «1984» предрекал, что дальнейшее развитие науки и технологий сделает мир более упорядоченным и стабильным, пусть и ценой человеческой свободы [4]. К подобному выводу, пишет Гидденс, пришел и Макс Вебер. Но сам Гидденс не согласен с подобным тезисом, и вся его работа посвящена доказательству обратного. Он пишет: «Мир, в котором мы живем сегодня, не слишком соответствует их предсказаниям. Он не только не стал более «управляемым», но, судя по всему, вовсе вышел из-под контроля — мир ускользает из рук» [5, стр. 23].

Вспомним также слова Уэбстера о том, что Гидденс отрицает появление кардинальных изменений в современном обществе. Достаточно сложным представляется увязать этот тезис со словами самого Гидденса о том, что «мы живем в мире преобразований, затрагивающих практически все, что бы мы ни делали» [5, с. 23]. И пусть Гидденс не использует термин «информационное общество», предпочитая говорить о глобализации, все же вряд ли это дает основания даже Уэбстеру так интерпретировать его теорию.

Мы уже упоминали, что Уэбстер подчеркивает важное место, которое Гидденс отводит национальным государствам при рассмотрении социальных изменений. Он также вспоминает о том, что основоположники социологии полагали, что национальное государство и национализм отомрут по мере индустриализации или экспансии капитализма, однако, по его мнению, этого не произошло. «Наоборот, само национальное государство потребовало для своего развития стремительного роста капиталистических отношений, стимулируя в то же время развитие национального сознания» [1, с. 288]. Но в последних работах Гидденса обнаруживается принципиально другое видение ситуации: «Страны утратили большую часть прежнего суверенитета, а политики — большинство возможностей влиять на события. Эпохе суверенных государств пришел конец» [5, с. 25].

Обозначая наличие двух разных взглядов на существующее положение дел, Гидденс говорит как о мнении скептиков, считающих все разговоры о новом типе мирового устройства не более чем болтовней, так и о радикалах, утверждающих, что «сегодняшняя мировая экономика не имеет аналогов в прошлом» [5,

с. 26]. Гидденс утверждает, что мы можем наблюдать явления не просто новые, но революционные, и считает очень удачной фразу Белла о том, что «масштаб государств становится не только слишком мал для решения крупных проблем, но и слишком велик, для решения малых» [5, с. 230].

Интерпретация Уэбстером идей Гидденса заставляет задуматься о степени научности тезисов самого Уэбстера и о возможном влиянии на его выводы идеологических факторов. Особенно это сомнение возрастает при знакомстве с той частью работы Уэбстера, где он говорит о правах человека и выдвигает несколько тезисов, которые вызывают некоторое недоумение. Так, он утверждает, что прежние источники конфликтов исчезли, в частности, имеются в виду конфликты, связанные с претензиями на территорию и на природные богатства. Но реалии современного мира не подтверждают этот вывод. Вспомним чудовищную по своей разрушительной силе агрессию Соединенных Штатов и их союзников относительно Ирака, когда США преследовали сугубо свои национальные интересы, касающиеся иракской нефти и экспансии на Ближний Восток. Можно привести и более близкие по времени примеры, показывающие сомнительность тезисов Уэбстера о правах человека и об исчезновении конфликтов, связанных с претензиями на территорию и на природные богатства. Напрашивается вывод, что при анализе доктрины Гидденса опираться на работу Уэбстера, которая считается практически хрестоматийной, нужно с большой осторожностью.

Анализируя современное общество, Гидденс изучает изменения в нем по пяти направлениям, которые он считает наиважнейшими.

1. Глобализация. Прежде всего, разумеется, он рассматривает глобализацию, подчеркивая, что это не единый процесс, но, скорее, комплекс различных процессов, характеризующих современное общество. В вопросах глобализации мы, наконец, можем видеть сходство позиций Уэбстера и Гидденса: они оба рассматривают глобализацию не как чисто экономический процесс, поскольку она затрагивает и культурную, и социальную, и политическую жизнь общества.

Разумеется, изменения в экономической сфере колоссальны, но остается открытым вопрос, можно ли говорить о качественных преобразованиях, или же мы имеем дело с количественными изменениями тех тенденций, которые уже существовали ранее. Гидденс особо выделяет значимость становления мировой экономики, привязанной к электронным деньгам, существующим только в виде цифр на экране компьютера. И хотя перемены эти действительно впечатляют, представляется неверным делать на их основе вывод о появлении общества нового типа. Достаточным основанием для провозглашения нового общества, на наш взгляд, могла бы стать кардинальная перестройка всех общественных институтов, однако наблюдаемые тенденции, хотя они и характеризуют новый этап в развитии экономики, все-таки не ведут к качественным изменениям социума в целом.

Социальные и культурные изменения, являющиеся следствием глобализации, не свидетельствуют о возникновении чего-то кардинально нового, скорее, лишь увеличивают масштаб и скорость процессов, происходивших и прежде. Вспомним Древний Рим: на территориях, принадлежавших империи,

очевидно складывалась единая культура, хотя тогда этот процесс не охватывал весь земной шар.

2. Риск. Гидденс также говорит о риске и о том, как само понятие риска возникло только в Новое время, будучи неотделимо от категорий возможности и неопределенности, а также от видения времени как линейного процесса. «Риск — это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно используется лишь в обществе, ориентированном на будущее» [5, с. 39]. Автор выделяет две разновидности риска.

Внешний риск — это риск, причина которого лежит вне нас самих; внутренний риск — это риск, связанный с нашим познанием окружающего мира. Проводя подобное деление, Гидденс говорит о качественном изменении. «Совсем недавно, по историческим меркам, нас стало беспокоить не столько то, что может сделать с нами природа, сколько то, что мы можем сделать с ней» [5, с. 43]. В какой-то момент автор начинает напоминать нам не столько ученого-социолога, сколько адепта если не эсхатологии, то футурологии, заявляя, что «наше общество существует в эпоху, когда природе пришел конец» [5, с. 43], хотя тут же поясняет, что под концом природы понимает лишь всепроникающее вмешательство в нее человека.

Само деление рисков, предложенное Гидденсом, выглядит слишком искусственным, так как слишком часто оказывается невозможным однозначно отнести те или иные риски к той или другой категории. Подобное деление потребовало бы от нас четкого ответа на самый сложный философский вопрос о том, где кончаемся мы и начинается окружающий мир. Гидденс, увы, не предлагает подобного ответа, в связи с чем предложенное деление рисков выглядит по меньшей мере описательным. Хотя сама идея о том, что в наше время «парадоксальным образом нагнетание паники, возможно, необходимо для обуздания рисков, с которыми мы сталкиваемся», и может показаться привлекательной, тем не менее на деле она приводит лишь к нагнетанию паники [5, с. 47].

3. Традиции. Следующее, на что обращает внимание Гидденс при рассмотрении изменений, это традиции. Существенно, что он считает все традиции чем-то вымышленным, однако признает, что любое общество нуждается в традициях, как и в изучении их пределов. Распад традиций в некоторых сферах человеческой жизни, и следующая за этим распадом зависимость, которую автор понимает как «замороженную» самостоятельность, «вступает в действие, когда выбор, который должен определяться самостоятельностью, подрывается беспокоейством» [5, с. 63]. Пусть этот феномен и не знаменует наступления новой эпохи в жизни человечества, недооценивать его значимость, на наш взгляд, было бы крайне неверно.

4. Семья. Рассматривая изменения в семье, Гидденс справедливо отмечает, что в прежние времена семья была прежде всего инструментом выживания, экономическим институтом, обеспечивавшим эффективное разделение труда и воспроизводство. В традиционной семье, пишет Гидденс, пара была лишь частью семьи — довольно крупного образования, включавшего в себя множество

родственников разных поколений. В наше время в западных обществах основу семьи составляют именно супруги, хотя наблюдаются и другие тенденции, например, увеличение числа домохозяйств, включающих одного человека.

Автор заставляет нас задуматься о том, что вроде бы является само собой разумеющимся — об эмоциональной связи, ставшей основой семьи в Новое и Новейшее время. Действительно, расцвет сексуальности и эмоциональности, значимость персонифицированной любви в наше время можно назвать качественным изменением в человеческих отношениях. Однако этого опять-таки недостаточно для признания факта кардинальной перестройки общества, тем более что указанные изменения в человеческих отношениях произошли не вдруг и остается открытым вопрос о факторах и механизмах наблюдаемых трансформаций.

Гидденс высказывает забавную, на наш взгляд, идею о подобии существующей в наше время модели личных взаимоотношений и идеалов демократии (отношения равных, понимание партнера, доверие как основа отношений), но эта идея, скорее, уместна на страницах СМИ, нежели в контексте научного рассмотрения общества, потому что как современные представления о демократии, так и методы ее развития не свободны от идеологической ангажированности.

5. Демократия. Последним пунктом рассмотрения для Энтони Гидденса стала демократия. Позволим себе оставить ее за рамками данной работы, так как сама по себе дискуссия о демократии заслуживает отдельного исследования. Отметим лишь, что и здесь мы наблюдаем не признаки качественных изменений общества и его институтов, а лишь эволюцию существующей модели, ибо демократия как таковая известна еще со времен античности и отношение к ней было не всегда однозначным. К примеру, Аристотель рассматривал демократию как качественно худшую форму правления по сравнению с политией, аристократией и монархией [6].

Таким образом, анализ взглядов известного социолога Э. Гидденса на информационное общество и на процесс глобализации, а также известной программной работы Ф. Уэбстера, можно сделать вывод, что проблема идентификации информационного общества и критериев его выделения в процессе исторического развития социума как целостной системы является насколько актуальной, настолько неоднозначной, требующей дальнейших глубоких исследований в рамках междисциплинарной парадигмы, которая позволяет, объединив методологию многих наук, приблизить понимание сущности современного этапа развития общества, указать на роль и специфическое влияние процессов глобализации, а также выявить системообразующие характеристики самой глобализации и ее значение в формировании общества нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. УЭБСТЕР Ф. **Теории информационного общества.** М., 2004.
2. ГИДДЕНС Э. **Устройство общества.** М.: Академический проект, 2003.
3. ГИДДЕНС Э. **Социальная теория и современная социология.** М., 1987.
4. ОРУЭЛЛ Д. 1984. М.: АСТ, 2016.
5. ГИДДЕНС Э. **Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь.** М., 2004.
6. **Аристотель.** Сочинения: В 4-х т. / Пер. с древнегреч. под общ. ред. А. И. Доватура. Т. 4. М.: Мысль, 1983.